

Историческое и богословское значение „Письма Аристея къ Филократу”*)

Диссертация, представленная мною сегодня на соискание ученой степени магистра церковных наук, имѣетъ своимъ предметомъ «Письмо Аристея къ Филократу», литературное произведение получившее широкую извѣстность у церковныхъ писателей благодаря своему разсказу о томъ, какъ въ Александріи, при царѣ Птоломееѣ Филадельфѣ (285-247 до Р. Х.), іудейскій законъ былъ переведенъ на греческій языкъ. Основываясь на этомъ сказаніи іудейская синагога, а за ней и первохристіанская Церковь, дали греческому переводу Ветхаго Завѣта наименование Септуагинты или текста Семидесяти толковниковъ, подъ которымъ эта древнѣйшая и важнѣйшая изъ библейскихъ версій продолжаетъ быть извѣстной вплоть до нашихъ дней¹⁾. И потому неудивительно, что поколѣнія ученыхъ давно поставили себѣ задачей историко-литературное изслѣдованіе «Письма Аристея» и уже достигли въ этой области прочныхъ результатовъ. Но если это обстоятельство достаточно свидѣтельствуетъ объ научномъ интересѣ моего предмета, то оно также требуетъ отчета о мотивахъ, по которымъ я счелъ нужнымъ въ свою очередь объ немъ писать. Отчетъ этотъ я постараюсь дать въ настоящемъ моемъ словѣ передъ диспутомъ, которое начну съ того, что попрошу высокое собраніе позволить мнѣ напомнить ему кратко о вышеназванномъ документѣ и о всемъ, что было сказано о немъ наукой.

Литературное произведение, традиціонно называемое «Письмомъ Аристея къ Филократу», представляетъ собою пространную повѣсть, написанную на *κοινή* т. е. на греческомъ языкѣ поздней эпохи, на которомъ Востокъ сталъ говорить и писать послѣ своего завоеванія Александромъ Македонскимъ. Оригинальный текстъ этой повѣсти, порою темный, мѣстами искаженный, дошелъ до насъ благодаря такъ наз. «Катенѣ на Осьмокнижіе», компилятивному экзегетическому труду, приписываемому Прокопію Газскому²⁾. Церковный историкъ Евсевій намъ тоже сохранилъ въ своихъ сочиненіяхъ³⁾ значительные отрывки Аристеева «Письма». Языкъ, на которомъ оно написано, труденъ, а стиль его запутанъ. Съ одной стороны онъ отличается длиннотами, но съ дру-

*) Текстъ рѣчи передъ защитой магистерской диссертации «Письмо Аристея къ Филократу, историко-филологическое изслѣдованіе его и переводъ его на русскій языкъ»; рѣчь эта была произнесена на открытомъ засѣданіи Совѣта Богословскаго Института 8-го мая 1955 г.

гой ему присуще рѣдкое богатство словаря. Послѣдній, оставляя въ сторонѣ имена собственные и числительныя, насчитываетъ 1987 различныхъ словъ, изъ которыхъ 42 признаны какъ ἄπαξ λεγόμενα Въ началѣ настоящаго столѣтія сперва Wendland⁴⁾ и Thackeray⁵⁾, а немного позже, Tramontano⁶⁾ выпустили о «Письмѣ Аристеевъ къ Филократу» свои капитальныя изслѣдованія и дали научно-критическія изданія его текста. Эти новѣйшія рецензіи текста «Письма» по своей аппаратурѣ оставили далеко позади всѣ прежнія его изданія, изъ которыхъ самое первое напечатано было въ Базелѣ еще во второй половинѣ XVI столѣтія⁷⁾).

Какъ показываетъ самое его заглавіе, документъ нашъ представленъ авторомъ какъ частное письмо. Составитель «Письма», называющій себя Аристеемъ и выдающій себя за придворнаго и друга царя Птолемея II Филадельфа, рассказываетъ своему брату Филократу о поѣздкѣ, которую онъ во главѣ царскаго посольства совершилъ въ Іерусалимъ, къ іудейскому первосвященнику Елеазару. Подчеркнувъ въ началѣ своего «Письма» (§§ 1-8) большое назидательное значеніе своего предмета, Аристей переходитъ къ изложенію обстоятельствъ, которыми его поѣздка была вызвана. Димитрій Фалирей, поставленный завѣдывать царской библіотеккой, желая увеличить съ двухъ сотъ до пяти сотъ тысячъ число рукописей во ввѣренномъ ему книгохранилищѣ, указалъ царю о необходимости пріобрѣтенія для библіотеки перевода іудейскаго закона на греческій языкъ. Царь пошелъ навстрѣчу просьбѣ Димитрія и также благосклонно отвѣтилъ на ходатайство объ освобожденіи находящихся въ то время въ Египтѣ многочисленныхъ іудейскихъ военнопленныхъ, съ которыми, воспользовавшись случаемъ, къ нему обратился тогда авторъ «Письма». Послѣ того какъ были изданы по обоимъ дѣламъ необходимые царскіе указы, Аристей и другой придворный и царскій другъ Андрей были отправлены въ Іерусалимъ. Послы повезли первые богатѣйшіе подарки для храма и грамоту отъ царя. Въ ней послѣдній просилъ, чтобы Елеазаръ прислалъ ему для совершенія исправнаго перевода іудейскаго закона на греческій языкъ исправный текстъ этого закона, а также 72-хъ переводчиковъ, по шести изъ каждаго Израильскаго колѣна, мужей праведной жизни и освѣдомленныхъ какъ въ еврейскомъ такъ и въ греческомъ языкѣ.

Послѣ длиннаго описанія посланныхъ въ Іерусалимъ царскихъ подарковъ (§§ 51-82), Аристей переходитъ къ своему пребыванію въ іудейской землѣ. Онъ съ восхищеніемъ рассказываетъ объ Іерусалимѣ, объ его храмѣ и о богослуженіи, которое въ послѣднемъ совершается. Онъ затѣмъ описываетъ и самую страну и ея богатства (§§ 83-127). Послѣ этого онъ подробно приводитъ свою бесѣду съ іудейскимъ первосвященникомъ о **природномъ** или, по нашему, аллегорическомъ смыслѣ Моисеева закона. Въ этой бесѣдѣ Елеазаръ показалъ Аристееу, что іудейскій законодатель имѣлъ своей цѣлью, путемъ всеразличныхъ предписаній или запретовъ навести людей на благочестивыя мысли и укрѣпить ихъ волю на стяжаніе добродѣтелей. Такъ, напримѣръ, разрѣшеніе употреблять въ пищу животныхъ съ раздвояющимися копытами, по толкованію Елеазара, есть на самомъ дѣлѣ повеленіе данное іудеямъ быть разсудительными, а такое же предписаніе относительно животныхъ

жующихъ жвачку должно быть истолковано какъ призывъ къ постоянной памяти о Богѣ и объ его дѣлахъ. Что же касается запрещенія употреблять въ пищу ласокъ, то Елеазаръ его представилъ какъ запрещеніе быть доносчиками. Такое толкованіе основано на естественно научныхъ представленіяхъ первосвященника, по которымъ ласки začínаютъ черезъ уши и рожаютъ черезъ ротъ, подобно тому, какъ доносчики, передавая услышанное ими, изъ устъ своихъ порождаютъ ближнимъ своимъ вредъ. Эти и другія подобныя имъ разсужденія Елеазара тоже приводятъ въ восхищеніе Аристее и онъ спѣшитъ подѣлиться ими со своимъ братомъ (§§ 128-171).

Затѣмъ начинается разсказъ о пребываніи въ Александріи посланныхъ Елеазаромъ 72-хъ переводчиковъ. Переводчики привозятъ драгоценнѣйшую рукопись, на которой іудейскій законъ былъ начертанъ золотыми еврейскими буквами. Вопреки правиламъ придворнаго этикета царь немедленно принимаетъ прибывшихъ гостей и оказываетъ почести привезенному ими списку (§§ 172-186). Послѣ этого онъ устраиваетъ въ честь ихъ пріѣзда, который совпалъ съ годовщиной его морской побѣды надъ Антигономъ Гонатомъ, семидневный пиръ. Слѣдуетъ подробное описаніе этого пира. Аристей дословно приводитъ всѣ застольныя рѣчи. Онъ показываетъ какъ царь желая испытать мудрость своихъ іудейскихъ гостей, подвергаетъ поочередно каждому изъ нихъ самымъ замысловатымъ вопросамъ, на которые немедленно получаетъ отвѣты приводящіе въ восторгъ всѣхъ участниковъ пира, среди которыхъ находилось немало извѣстныхъ философовъ (§§ 187-300). Покончивъ съ пиромъ, Аристей говоритъ о томъ, какъ переводчики совершили дѣло, ради котораго они пріѣхали. На другой день послѣ пира Димитрій Фалирей отвелъ ихъ на островъ Фаросъ, который находился въ семи стадіяхъ отъ города и былъ соединенъ съ материкомъ посредствомъ длиннаго перешейка. Тамъ, въ приготовленномъ для нихъ большимъ, удобнымъ для работы загородномъ домѣ они принялись за свой переводъ и завершили его въ 72 дня. Димитрій прочиталъ составленную ими греческую версію закона передъ собраніемъ александрійскихъ іудеевъ. Послѣдніе привѣтствовали авторовъ перевода и торжественно засвидѣтельствовали его вѣрность еврейскому оригиналу. Затѣмъ собраніе изрекло проклятіе на всякаго, который когда-либо дерзнетъ этотъ переводъ исказить или захочетъ внести въ его текстъ какое-нибудь измѣненіе (§§ 301-311).

Согласно дальнѣйшему разсказу Аристее царь тоже пожелалъ познакомиться съ совершеннымъ переводомъ іудейскаго закона. Когда переводъ былъ ему прочитанъ, царь преклонился передъ мудростью іудейскаго законодателя и удивленно спросилъ Димитрія, почему никто изъ эллинскихъ историковъ или поэтовъ не упомянулъ въ своихъ твореніяхъ про столь замѣчательный законъ. На это библиотечаръ разсказалъ, какъ нѣкоторые греческіе писатели пытались иногда въ своихъ сочиненіяхъ приводить выдержки изъ іудейскаго закона и какъ за это всякій разъ обрушивался Божій гнѣвъ: Богъ поражалъ ихъ, какъ это объяснилъ Димитрій, за дерзновенное желаніе повѣдать о божественномъ нечистымъ людямъ и за употребленіе неточныхъ переводовъ закона (§§ 312-316). Описавъ затѣмъ, какъ царь наградилъ переводчи-

ковъ и какъ онъ отпустилъ ихъ домой, Аристей еще разъ обращается къ Филократу, чтобы снова подчеркнуть всю важность разсказаннаго имъ предмета и кончаетъ свое «Письмо» (§§ 317-322) ⁸⁾.

Ни іудейскіе, ни первохристіанскіе писатели не могли оставить безъ вниманія разсказъ Аристeya изъ-за того распространенія, которое получила въ діаспорѣ сперва, а потомъ и въ Церкви греческая версія Священнаго Писанія Ветхаго Завета. Они стали усиленно воспроизводить этотъ разсказъ въ своихъ твореніяхъ ⁹⁾, попутно приукрашая его и прибавляя къ нему все новыя и новыя чудесныя подробности ¹⁰⁾. Такъ, во II-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. появилось сказаніе объ отдѣльныхъ келліяхъ ¹¹⁾, въ которыхъ якобы переводчики были разселены на о. Фаросѣ, что каждый изъ нихъ могъ въ отдѣльности переводить весь оригинальный текстъ. Согласно этому сказанію, всѣ отдѣльно составленные 72 перевода оказались совершенно одинаковыми. Начиная съ Филона Александрійскаго, на 72-хъ переводчиковъ стали смотрѣть, какъ на священноинниковъ и на пророковъ («Жизнь Моисея» 11. 16) и потому вышеприведенная подробность относительно отдѣльныхъ келлій была воспринята какъ прямое доказательство боговдохновенности греческаго перевода Библии. Но она опредѣленно расходилась съ совершенно точными указаніями самого Аристеева разсказа о мѣстѣ, въ которомъ были поселены 72 переводчика и о методахъ ихъ работы. На это обстоятельство неприменно сослаться бл. Іеронимъ Стридонскій ¹²⁾ въ своемъ рѣшительномъ протестѣ противъ утвержденій о боговдохновенности Септуагинты и связаннаго съ этимъ взглядомъ недопущенія къ употребленію въ Церкви всякой другой библейской версіи ¹³⁾.

Что же касается исторической подлинности самихъ сообщаемыхъ Аристеемъ фактовъ, то его «Письмо» никакихъ сомнѣній у писателей древности не вызывало. Однако, внимательное чтеніе «Письма» не можетъ не позволить всякому непредубѣжденному, но освѣдомленному въ исторіи читателю увидѣть въ разсказѣ Аристeya рядъ подробностей, показывающихъ, что составителемъ его не могъ быть современникъ приведенныхъ въ немъ событій. Къ такимъ подробностямъ слѣдуетъ отнести, въ первую очередь, тѣ мѣста, въ которыхъ авторъ, какъ говорится, невольно «проговаривается» и прямо выдаетъ, что онъ не жилъ при Птолемеѣ Филадельфѣ ¹⁴⁾. Напримѣръ, ссылаясь на административные порядки, соблюдавшіеся при этомъ царѣ, онъ отмѣчаетъ въ § 28-мъ «Письма», что всѣ мѣропріятія проводились «тѣми царями» посредствомъ указовъ; точно такъ же, говоря о правилахъ приема иностранныхъ гостей и пословъ при дворѣ Филадельфа, онъ пишетъ въ § 182: «таковъ обычай, установленный тѣмъ царемъ, и ты его можешь видѣть еще и понынѣ». Такія высказыванья автора «Письма» явно показываютъ, что въ дѣйствительности смотрѣлъ онъ на эпоху первыхъ Птолемеевъ уже издалека, хотя старался говорить объ ней, какъ ея современникъ. Но еще больше подозрѣній вызываютъ допущенные имъ въ его «Письмѣ» анахронизмы и другія историческія неточности. Однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ его разсказа является царскій бібліотекарь Димитрій Фалирей. Однако, изъ исторіи доподлинно извѣстно, что этотъ прославленный аѳинянинъ, считающійся однимъ изъ самыхъ выдающихся ораторовъ и государственныхъ мужей древности

состоялъ въ должности бібліотекаря лишь только при отцѣ Филадельфа, Птолемей I Лагъ, который пріютилъ его въ Александріи, послѣ того, какъ онъ былъ изгнанъ изъ отечества. Дѣйствительно, Филадельфъ подвергъ его опалѣ въ самомъ началѣ своего царствованія и отправилъ его въ далекую ссылку, гдѣ Димитрій вскорѣ умеръ отъ змѣйнаго укуса¹⁵), и потому онъ уже никакъ не могъ быть участникомъ событій, о которыхъ говоритъ «Письмо Аристея». Послѣднее также ссылается на побѣду Птолемея II надъ флотомъ Антигона Гоната (§ 80). Но объ этой побѣдѣ не свидѣтельствуетъ ни одинъ древній писатель и узнаемъ мы объ ней только лишь отъ одного нашего автора. Кромѣ всего этого, названный Аристеемъ въ числѣ участниковъ пира философъ Менедемъ (§ 20), никогда не живаль въ Александріи и не появлялся при александрійскомъ дворѣ, какъ это вытекаетъ изъ всѣхъ дошедшихъ о немъ до насъ біографическихъ данных¹⁶). Что же касается другого героя разсказа Аристея, первосвященника Елеазара, то врядъ ли мы здѣсь имѣемъ дѣло съ историческимъ лицомъ: объ этомъ первосвященникъ упоминаетъ одинъ лишь Флавій Іосифъ и то на основаніи того же «Письма Аристея»¹⁷). Исходя изъ всѣхъ этихъ данныхъ изслѣдователи новаго времени признали «Письмо Аристея» неподлиннымъ. Взглядъ этотъ твердо установился въ наукѣ главнымъ образомъ со времени выхода труда оксфордскаго профессора *Humphrey Hody: De Bibliorum textibus originalibus. L. I. Contra historiam LXX interpretum Aristaeae nomine inscriptam* (Oxon. 1685).

Правда, въ началѣ XIX столѣтія было сдѣлано нѣсколько отдѣльныхъ попытокъ, среди которыхъ слѣдуетъ упомянуть попытку знаменитаго Константина Икономоса¹⁸), отстаивать историческую подлинность личности Аристея и сообщаемыхъ въ его «Письмѣ» фактовъ. Но эти мнѣнія не нашли себѣ послѣдователей. Современная библейская наука, католическая такъ же какъ и протестантская, окончательно признала «Письмо Аристея къ Филократу» псевдэпиграфомъ. Содержащійся въ немъ разсказъ объ исторіи перевода іудейскаго закона на греческій языкъ она разсматриваетъ какъ легенду, а самое произведеніе она причисляетъ къ наиболѣе характернымъ образцамъ той апологетической письменности, которую іудеи, какъ самозащиты ради, такъ и въ цѣляхъ прозелитизма, стали усиленно распространять среди культурныхъ слоевъ населенія греко-римскаго міра начиная съ III вѣка до Р. X.¹⁹). Изученіе этого рода іудейской письменности показало, что ея авторы, для того чтобы ихъ творенія легко бы проникали въ языческую образованную среду, часто сами надѣвали на себя языческую маску и надписывали собственныя произведенія либо именами древнихъ классическихъ писателей, либо современныхъ имъ представителей культурнаго эллинизма. И потому, когда анонимный іудейскій авторъ, апологетъ духовныхъ цѣнностей своего народа, выдавалъ свой трудъ за «Письмо» грека-язычника и царскаго друга Аристея, онъ въ этомъ слѣдовалъ традиціонному литературному приему, позволявшему ему аккредитировать свой панегирикъ среди эллинскихъ читателей²⁰). Специально выбравъ это имя²¹), онъ кромѣ того, подчеркивалъ, какъ оцѣнилъ, вмѣстѣ со своимъ просвѣщеннымъ окруженіемъ, іудейскую вѣру, законъ и мудрость, самъ Птолемей Филадельфъ, извѣстный покровитель

искусствъ, литературы и философіи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ наука говорить теперь о нашемъ документѣ, какъ о «Письмѣ» псевдо-Аристия. Но если таково его происхожденіе, если «Письмо» — псевдепиграфъ и апокрифъ, то каково его значеніе для православнаго ученаго? Чѣмъ его изученіе можетъ пособствовать для православныхъ церковныхъ наукъ?

Укажемъ, прежде всего, что, будучи іудейскимъ апокрифомъ, уже въ этомъ качествѣ «Письмо» псевдо-Аристия представляетъ сейчасъ особый интересъ. Дѣйствительно, какъ ветхозавѣтники такъ и новозавѣтники удѣляютъ въ настоящее время много вниманія изученію іудаизма, т. е. той среды, въ которой родилась и впервые прозвучала евангельская проповѣдь²²). Но это изученіе предполагаетъ, въ свою очередь, изслѣдованіе всего послѣдствѣннаго періода израильской исторіи, такъ какъ именно по возвращеніи изъ плѣна богоизбраннаго народа окончательно сложилось религиозное сознаніе Ветхозавѣтной церкви. Но при всемъ своемъ значеніи въ исторіи Израиля послѣдствѣнная эпоха оказалась очень скудно освѣщенной для историка въ самой Библии. Тогда какъ для исторіи Израильской монархіи мы находимъ богатѣйшій матеріалъ въ самомъ Ветхомъ Завѣтѣ, лишь очень малое количество библейскихъ данныхъ можетъ освѣдомить историка о томъ, что пережили и продумали Израиль съ момента реформъ Нееміи и Ездры до наступленія новозавѣтной полноты временъ. Но, къ счастью для историка, наряду съ канонической и девтеро-канонической письменностью въ послѣдствѣнномъ Израилѣ богато расцвѣла апокрифическая литература³²). Въ ней народъ Божій тоже выразилъ свои чаянія, свои религиозныя стремленія и свои реакціи на переживаемыя имъ событія исторіи. И если іудейскіе апокрифы не могутъ всякій разъ восполнить историческіе пробѣлы Библии, они всегда намъ смогутъ показать, какъ боговдохновенная проповѣдь послѣдней была воспринимаема іудейской вѣрующей средой. Что же касается въ частности «Письма псевдо-Аристия», то оно именно принадлежитъ къ числу такихъ апокрифическихъ источниковъ, составленныхъ къ тому же въ іудейскомъ разсѣяніи²⁴). Не подлежитъ сомнѣнію, что авторомъ его былъ одинъ изъ тѣхъ эллинизированныхъ по культурѣ и языку іудеевъ, которыми діаспора славила въ Александріи. Отсюда слѣдуетъ, что это «Письмо» является цѣннымъ показаніемъ о религиозной настроенности той совершенно особенной среды, каковую представляло александрійское іудейство.

Однако, этимъ не исчерпывается значеніе «Письма псевдо-Аристия», какъ матеріала для научной исторіи іудаизма. Продолжая настаивать на легендарности приведеннаго имъ разсказа, критическая наука все же сочла возможнымъ признать историческую подлинность нѣкоторыхъ подробностей, которыя можно почерпнуть у нашего автора относительно эпохи Птолемеевъ. Этой неожиданной реабилитациі псевдо-Аристия послужили, въ первую очередь, новѣйшія находки въ области египетской папирологіи²⁵). Изученіе новооткрытыхъ папирусовъ и сопоставленіе ихъ языка и отдѣльных ихъ показаній съ языкомъ «Письма псевдо-Аристия» и нѣкоторыми приведенными въ немъ фактами, особенно съ тѣмъ, что оно говоритъ о придворныхъ и административныхъ порядкахъ въ Александріи, позволило утверждать его

ислѣдователямъ, что псевдо-Аристей былъ въ этихъ предметахъ очень хорошо освѣдомленъ. На это еще въ 1871 году указывалъ итальянскій ученый Lumbroso²⁶). Съ тѣхъ поръ его мнѣніе во многомъ было подтверждено и потому можно считать, что показанія «Письма» объ александрийскихъ придворныхъ обычаяхъ, о дѣлопроизводствѣ эпохи Птолемеевъ, а также приведенные изъ этой области въ немъ термины и ссылки на законы вполнѣ заслуживаютъ довѣріе историковъ²⁷). Съ другой стороны, также способствовали реабилитациі псевдо-Аристее новѣйшія изысканія въ области палестинской археологіи. Въ частности, было показано²⁸), что все, что нашъ авторъ говоритъ о топографіи Іерусалима, о храмѣ и защищавшей его крѣпости и о картинно колыхавшейся предъ входомъ въ него завѣсы можетъ быть признано за показанія очевидца, несмотря на всю неточность его географическихъ представлений. Все это показываетъ, что «Письмо псевдо-Аристее» можетъ быть использовано не для религіозной только, но и для политической стороны исторіи іудаизма.

Цѣнность содержащагося въ немъ матеріала еще болѣе повысилась, когда рядъ большихъ ученыхъ счелъ возможнымъ отнесті составленіе его въ сравнительно ранній періодъ эллинистической эпохи. Правда, въ вопросѣ о времени написанія «Письма» псевдо-Аристее согласія въ наукѣ до сихъ поръ не было достигнуто. Grätz²⁹), въ концѣ прошлаго вѣка, защищалъ въ связи съ этимъ вопросомъ позднюю дату: по его взгляду «Письмо» было написано въ 33-мъ году послѣ Р. X. Wendland, Thackeray и A. Lods выступили съ защитой средней даты и предложили конецъ II вѣка до Р. X. Но Schürer, авторъ извѣстной «Исторіи Израильскаго народа»³⁰) и Tramontano въ своемъ трудѣ о «Письмѣ Аристее къ Филократу» высказались за раннюю дату составленія этого памятника: по ихъ мнѣнію, его свободно можно отнести къ 290 году до нашей эры. Послѣдняя гипотеза мнѣ лично представляется наиболѣе защитимой, какъ это я и старался подробно показать въ предложенномъ мною на сысканіе ученой степени трудѣ. Сейчас лишь кратко укажу, что поздняя дата была выдвинута на томъ основаніи, что твореніе псевдо-Аристее, особенно въ приведенныхъ въ немъ застольныхъ рѣчахъ, якобы содержитъ намеки на атмосферу подозрительности и доносовъ, характерную для временъ императора Тиберія (см. §§ 166-1673). Но эти намеки являются настолько неопредѣленными и носятъ до того общій характеръ, что ихъ никакъ нельзя считать рѣшающими показателями той обстановки въ которой могло быть написано «Письмо». Кромѣ того, Филонъ Александрійскій, писавшій свои труды въ началѣ I-го вѣка, воспроизведшій разсказъ псевдо-Аристее и первый явно превратившій 72-хъ переводчиковъ въ священнослужителей и пророковъ, говоритъ также о торжественномъ праздникѣ, который въ его дни ежегодно совершался іудеями на о. Фаросѣ въ честь греческаго перевода закона³¹). Объ этомъ праздникѣ псевдо-Аристее еще не зналъ, иначе онъ не преминулъ бы его использовать для своего панегирика. Все это показываетъ, что онъ писалъ задолго до Филона... Что же касается средней даты, то ея защитники ссылаются, главнымъ образомъ, на обрисованное нашимъ

авторомъ политическое положеніе Палестины. По ихъ взгляду псевдо-Аристей изобразилъ ее какъ совершенно независимую страну, суверенно управляемую іерусалимскимъ первосвященникомъ, объединившимъ въ своихъ рукахъ духовную и государственную власть. Это заставило Wendland'a и Lods'a отнести составленіе «Письма» къ эпохѣ Асмонеѣвской династіи и приурочить его къ царствованію Іоанна Гиркана, завоевателя Самаріи, тѣмъ болѣе, что послѣдняя оказалась включенной псевдо-Аристеемъ въ составъ іудейскаго государства (§ 107). Но выводы этихъ ученыхъ не являются столь обоснованными, сколь представляются они на первый взглядъ. Какъ это подтверждаетъ М. Noth³²⁾, границы обѣтованной земли всегда имѣли не реальный, а идеальный характеръ, какъ это вытекаетъ изъ того же «Письма псевдо-Аристеев», которое, въ своемъ описаніи іудейской земли, включило въ послѣднюю не только Самарію, но и Птолемаиду и Аскалонъ, области никогда Асмонеямъ не принадлежавшія. Было бы къ тому же крайне неправдоподобнымъ для псевдо-Аристеев, который въ другомъ отношеніи оказывается столь освѣдомленнымъ, просто переносить въ эпоху Птолемея Филадельфа политическую ситуацію Палестины таковой, какъ представлялась она въ эпоху, когда онъ писалъ. Онъ могъ не знать всѣхъ подробностей царствованія этого монарха, но ему было хорошо извѣстно, какъ и просвѣщеннымъ эллинамъ, которыхъ онъ имѣлъ въ виду, что при Филадельфѣ Палестина была частью имперіи Лагидовъ. Если бы онъ хотѣлъ ее изобразить какъ независимую державу, его разказъ тогда бы потерялъ кредитъ у эллинскихъ читателей. Напротивъ, онъ самъ опредѣленно даетъ понять въ своемъ «Письмѣ» (§§ 12-13, 24, 35-36), что въ описываемую имъ эпоху Палестина была подъ египетскимъ владычествомъ. Иначе и не могло быть, ибо даже не будучи историкомъ, онъ долженъ былъ заботиться объ избѣжаніи грубыхъ анахронизмовъ, а въ таковой онъ впалъ бы несомнѣнно если бы онъ изобразилъ, какъ независимую область страну, которую Лагиды потеряли только лишь въ началѣ II вѣка, провадѣвши ею до этого больше чѣмъ сто лѣтъ. И, дѣйствительно, то, что говоритъ «Письмо» о политическомъ статутѣ Палестины, скорѣе отражаетъ тотъ режимъ административной автономіи или, даже, полу-суверенитета, которымъ Палестина пользовалась подъ Персами, а потомъ при Птолемеяхъ, до дня, когда она была окончательно отъ послѣднихъ отторгнута Селевкидами въ 196 году до Р. X. Если прибавить къ этому невыработанность въ «Письмѣ» терминологіи, касающейся статута александрийскихъ іудеевъ, а также особенности псевдо-Аристеева богословія, въ частности отсутствіе у него столь характерныхъ для II вѣка темъ о воздаяніи, о безсмертіи и о воскресеніи, то теорія о средней датѣ написанія «Письма» оказывается просто несостоятельной. Напротивъ, самый широкій универсализмъ, еще выраженный у псевдо-Аристеев но совершенно исчезнувшій послѣ гоненій Антиоха Епифана, преобладаніе Торы надъ Пророками, отсутствіе намековъ на раздѣленіе іудеевъ на партіи фарисеевъ, саддукеевъ и есеевъ, уже существовавшихъ при Асмонеяхъ заставляють насъ утверждать, что «Письмо» было написано въ гораздо болѣе раннюю эпоху, чѣмъ та, которую предложилъ Вендландъ. Наиболѣе под-

ходящая дата для составления «Письма» есть та, которую защищает Транмонтано, а именно последние годы царствования Птолемея IV Филометра (221-204 до Р. Х.)... Этот вывод заставляет историков обратиться должное внимание на некоторые исторические факты, относящиеся к персидской и ранней эллинистической эпохе и вскользь упомянутые у псевдо-Аристея. В качестве примера укажем на факт тройного переселения иудеев из Палестины в Египет, отмеченный в §§ 12-14 (ср. §§ 22-23) «Письма»: первое имело место при Псамметихе, второе после завоевания Египта Персами, третье при Птолемеи I Лаге. О первом из этих переселений знают Элефантинские папирусы, тогда как о втором и третьем нас осведомляют только псевдо-Аристей³³).

Этот же вывод дѣлает, как это на первый взгляд ни странно, «Письмо псевдо-Аристея» возможным источником для истории возникновения Септуагинты. Вопрос о такъ называемой прото-Септуагинте сейчас усиленно разрабатывается библейской наукой. В Германии, Англии и Соед. Штатахъ о немъ написана уже обширная литература. Назову, въ этой связи, имена Thackeray, Wutz'a, Kahle, известнаго также своими трудами по масоретскому тексту, а также Sperber'a и Орлинскаго³⁴). Сказаніе псевдо-Аристея отражаетъ ходячія представленія о происхожденіи перевода LXX, которыя были распространены въ иудейскихъ александрийскихъ кругахъ въ III вѣкѣ до Р. Х. Безъ всякаго сомнѣнія, это сказаніе сильно приукрашено легендою и многое въ немъ было преувеличено ради панегирическихъ цѣлей его авторомъ, но вполне правдоподобно, что въ его основѣ было положено историческое зерно. Правдоподобнымъ является то, что, какъ и показываетъ нашъ авторъ, первымъ былъ переведенъ съ еврейскаго на греческій Законъ, т. е. Тора или Пятикнижіе, къ которому въ началѣ сводился весь канонъ В. З. Церкви. Вполнѣ правдоподобно и то, что этотъ переводъ былъ совершенъ при Птолемеи Филадельфи, царствованіе котораго вообще было эпохою расцвѣта всякаго рода письменности и искусствъ. Возможно также, что для совершенія такого перевода, специально были выписаны изъ Іерусалима съ одной стороны исправный текстъ Закона, а съ другой, для сотрудничества съ александрийскими иудейскими переводчиками, палестинскіе книжники толкователи Торы. Возможно, наконецъ и то, что самъ Филадельфи былъ осведомленъ о совершавшемся переводѣ и даже то, что онъ, согласно традиціонно благожелательной политикѣ всѣхъ Птолемеевъ въ отношеніи иудейства, покровительствовалъ этому дѣлу. Но покровительство это было несомнѣнно далеко отъ того преклоненія царя и всего его двора передъ всѣми иудейскими духовными и культурными цѣнностями, которое изображено въ тенденціозномъ разсказѣ псевдо-Аристея.

Признаніе исторической достовѣрности отдѣльныхъ показаній псевдо-Аристея позволило изслѣдователямъ текста LXX намѣтить разрѣшеніе ряда проблемъ, которыя въ большемъ числѣ и разнообразіи были за послѣдніа десятилѣтія подняты вокругъ этой библейской версіи. Это касается, въ первую очередь, вопроса объ существованіи еще болѣе древ-

нихъ переводовъ Торы на греческій языкъ. Нѣкоторыя высказыванія псевдо-Аристеея, особенно его намеки въ §§ 30 и 314-315, позволяютъ считать, что нужда въ греческихъ Таргумахъ на Законъ испытывалась въ діаспорѣ съ очень раннихъ поръ и, что еще до царствованія Птолемея Филадельфа были сдѣланы какія-то попытки перевести Законъ на греческій языкъ. Затѣмъ, благодаря тому, что псевдо-Аристеей сообщаетъ намъ о технической сторонѣ описываемаго имъ дѣла перевода, можно теперь считать опроверженными нѣкоторыя ученныя теоріи, относительно происхожденія Септуагинты, въ свое время получившія извѣстный успѣхъ. Я имѣю, прежде всего, въ виду теорію итальянскаго ученаго Motzo³⁵). Послѣдній пытался доказать, что такъ называемый переводъ Семидесяти есть ничто иное, какъ рецензія, совершенная между 130-мъ и 110-мъ годомъ до Р. Х., на нѣкій болѣе древній переводъ, который могъ быть совершенъ во времена Птолемея Филадельфа. Въ связи со своей теоріей, Мотцо считаетъ «Письмо псевдо-Аристеея» литературной попыткой аккредитировать этотъ переводъ вымышленнымъ рассказомъ о якобы полученной имъ царской санкціи, придавшей ему официальный характеръ. Но теорія эта, въ первую очередь, предполагаетъ среднюю дату написанія «Письма», которая, какъ мы уже отмѣтили, представляется трудно защитимой. Затѣмъ, она упускаетъ изъ виду, что само «Письмо» прямо говоритъ, что и до Птолемея Филадельфа уже бывали попытки перевести іудейскій законъ на греческій языкъ, причемъ отнюдь не восхваляя ихъ а, напротивъ, строго ихъ порицая, какъ неудовлетворительныя и несостоятельныя. Наконецъ, было бы крайне неправдоподобнымъ для псевдо-Аристеея, писавшаго, по мнѣнію Мотцо, около 100-го года до Р. Х., дерзновенно хотѣть перенести въ эпоху Птолемея Филадельфа литературное событіе, которое имѣло бы за собой всего лишь двадцатилѣтнюю давность.

Но помимо свѣдѣній о предшествовавшихъ Септуагинтѣ болѣе раннихъ попыткахъ греческихъ таргумовъ на Законъ, «Письмо псевдо-Аристеея» содержитъ, несомнѣнно, цѣнныя указанія относительно того оригинальнаго еврейскаго текста, съ котораго Законъ былъ переведенъ при Филадельфѣ. Если принять во вниманіе это обстоятельство, то на основаніи нашего документа оказывается возможнымъ въское возраженіе противъ гипотезы нѣмецкаго ученаго Wutz'a, относительно оригинала, съ котораго былъ сдѣланъ переводъ. Wutz³⁶), отравляясь отъ расхожденій между Септуагинтою и масоретскимъ текстомъ въ транскрипціи, главнымъ образомъ, собственныхъ именъ, создалъ теорію, по которой греческіе переводчики должны были пользоваться рукописью содержавшей еврейскій текстъ закона, уже транскрибированный греческими буквами. Wutz, тоже пытался подкрѣпить свои доводы ссылкой на псевдо-Аристеея: онъ видѣлъ въ словоупотребленіи § 15 «Письма» прямое указаніе на транскрибированный характеръ оригинала перевода. Но болѣе тщательное изученіе словаря нашего автора показываетъ, что глаголь, *μεταγράφειν* на который ссылается Wutz, никоимъ образомъ не значить транскрибировать, но либо переписывать книги (§§ 9-10), либо переводить ихъ (§§ 45, 46 и 307). Къ

этому надо прибавить, что всѣ данныя псевдо-Аристеея прямо свидѣтельствуютъ, что текстъ закона, привезенный для перевода изъ Іерусалима въ Александрію, былъ начертанъ посредствомъ письма еврейскаго еще не вокализированнаго, такъ же какъ онѣ подтверждаютъ, что составленная при Птоломееѣ II греческая версія іудейскаго закона съ самаго дня своего обнаруженія была принята всей александрійской діаспорой и приобрѣла оффиціальныи характеръ.

Укажу, наконецъ, какъ изученіе «Письма» псевдо-Аристеея обрѣло значеніе и для изслѣдованія самого библейскаго текста. По своей формѣ нашъ документъ принадлежитъ къ роду письменности, который послужилъ образчикомъ для новозавѣтныхъ посланій. По языку, на которомъ онъ написанъ, онъ является однимъ изъ характерныхъ образцовъ литературнаго языка эллинистической эпохи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи «Письмо псевдо-Аристеея» представляется особенно цѣннымъ для библеиста. На томъ же языкѣ были составлены сама Септуагинта съ каноническими и неканоническими книгами и мѣстами (Ветх. Завѣта и всѣ новозавѣтныя книги. Изслѣдователи уже сейчасъ усматриваютъ особое сходство между языкомъ «Письма псевдо-Аристеея» и языкомъ цѣлаго ряда библейскихъ книгъ. Это касается, главнымъ образомъ, греческаго Пятокнижія, пролога книги Іисуса сына Сирахова и III Маккавейской³⁷), какъ наиболѣе близкихъ къ нему по времени своего написанія. Но это касается также наиболѣе литературныхъ по формѣ и языку образцовъ греческой библейской письменности, въ частности книги Премудрости Соломона, евангелія отъ Луки, книги Дѣяній Апостольскихъ, посланія къ Евреямъ и II-го посланія Петра³⁸). Трудъ филологическаго сопоставленія «Письма псевдо-Аристеея» со всѣми вышеназванными библейскими текстами еще до конца не продѣланъ и, потому, еще можетъ выясниться, что многія словесныя параллели между «Письмомъ» и означенными книгами являются дѣломъ простой случайности; но тамъ, гдѣ они окажутся обоснованными, эти параллелизмы получаютъ болѣе чѣмъ одно чисто филологическое значеніе.

Все вышесказанное дѣлаетъ понятнымъ, почему, даже послѣ выхода въ 1931 году какъ будто исчерпывающаго труда Gramontano о «Письмѣ Аристеея», интересъ къ послѣднему отнюдь у изслѣдователей его не упалъ. О немъ по сей день выходятъ все новыя и новыя труды. Назову, среди нихъ, книги англичанина Meecham'a³⁹), итальянца Mamigliano⁴⁰), американца Hadas⁴¹) и также скорѣе популярную книжечку объ апокрифахъ французскаго іезуита Bonsirven⁴²). Укажу также, что въ настоящее время существуетъ литература о «Письмѣ Аристеея» у самихъ евреевъ, заинтересовавшихся своимъ національнымъ прошлымъ: объ немъ вышло нѣсколько книгъ профессоровъ палестинскихъ университетовъ и даже переводъ на ново-еврейскомъ языкѣ, составленный профессоромъ Cahana⁴³). Мнѣ остается теперь указать, какъ я самъ опредѣляю мѣсто и назначеніе моего труда по историко-филологическому изслѣдованію и по переводу «Письма псевдо-Аристеея» среди только что приведенной новѣйшей литературы по этому предмету.

Диссертація, представляемая мною сегодня на званіе магистра цер-

ковныхъ наукъ, не ставитъ себѣ задачею продолженіе изслѣдованія «Письма псевдо-Аристеея» по всѣмъ или по нѣкоторымъ изъ намѣченныхъ вопросовъ. Она есть необходимое подведеніе итоговъ. Ея цѣль — поставить русскую православную богословскую науку въ курсъ всего, что было продѣлано на Западѣ за послѣдніе полъ вѣка въ отношеніи изученія «Письма псевдо-Аристеея». Здѣсь необходимо напомнить, что русская богословская наука, главнымъ образомъ въ связи съ темой о происхожденіи и объ вліяніи перевода LXX, никогда не переставала интересоваться «Письмомъ Аристеея», какъ документомъ, въ которомъ, такъ или иначе происхожденіе греческой Библии свое отраженіе получило. Объ этомъ интересѣ свидѣтельствуетъ, прежде всего, старый переводъ «Письма Аристеея» на русскій языкъ, оставленный М. Алексѣевымъ въ 1787 году⁴⁴). Объ этомъ же говорятъ труды нижеслѣдующихъ авторовъ прошлаго вѣка: Елеонскаго⁴⁵), Ловягина⁴⁶), Корсунскаго⁴⁷), Юнгера⁴⁸) и др. Эти имена достаточно ясно показываютъ, что изслѣдованіе «Письма Аристеея» является одной изъ традиціонныхъ темъ для русской библейской науки. И потому моя диссертація на ту же тему есть, прежде всего, плодъ моего желанія послужить возобновленію традиціи, которая была прервана исторіей уже почти на сорокъ шесть лѣтъ. Но помимо этого желанія, въ выборѣ моего предмета мною руководили два другихъ соображенія, къ изложенію которыхъ я долженъ сейчасъ перейти.

Первое изъ нихъ продиктовано побужденіями методологическаго характера. Изслѣдованія вопроса о времени написанія «Письма псевдо-Аристеея» являются, на мой взглядъ, чрезвычайно поучительными въ области научной методологіи вообще. Они вскрыли нѣкоторыя предпосылки, которыми надлежитъ, во избѣжаніе крупныхъ ошибокъ, руководствоваться въ дѣлѣ установленія датъ псевдэпиграфическихъ или апокрифическихъ документовъ. Каждый такой документъ неизбѣжно отражаетъ обстановку или среду, въ которой онъ былъ составленъ, что часто даетъ возможность, съ одной стороны, подтвердить его апокрифичность, а съ другой — опредѣлить время его написанія. Но выше мы имѣли случай отмѣтить, какъ даже такіе крупные ученые какъ Вендландъ, Таккерей и Лодсъ сочли возможнымъ допустить, что столь умѣлый апологетъ, какъ псевдо-Аристей смогъ просто перенести въ эпоху Птолемея II, которую онъ хотѣлъ изобразить въ своемъ разсказѣ, всю политическую ситуацію эпохи, въ которую онъ жилъ самъ, нисколько не подумавъ о тѣхъ подозрѣніяхъ, которыя такая историческая неправдоподобность вызоветъ у просвѣщенныхъ эллинскихъ читателей. Всякій составитель псевдэпиграфическихъ и апокрифическихъ произведеній, особенно если онъ преслѣдовалъ апологетическія цѣли, непременно долженъ былъ стараться избѣгать крупныхъ, т. е. очевидныхъ анахронизмовъ и потому онъ «проговаривался» и выдавалъ свою эпоху лишь только въ мелочахъ. Это заставляетъ изслѣдователей псевдоэпиграфовъ и апокрифовъ, во-первыхъ, не превращать въ анахронизмы каждую подробность выдаваемого ими за исторію разсказа, а во-вторыхъ, не въ главныхъ фактахъ, но въ часто малозначительныхъ деталяхъ искать отраженіе той обстановки или эпохи, къ

которой въ дѣйствительности принадлежитъ изслѣдуемый документъ. Это очень тонкое замѣчаніе, сдѣланное Трамонтано по поводу историческихъ погрѣшностей, допущенныхъ псевдо-Аристеемъ, можетъ оказаться плодотворнымъ для критическаго изученія псевдэпиграфовъ и апокрифовъ до-христіанской и христіанской древности. Съ нимъ мнѣ и хотѣлось ознакомить русскую академическую науку.

Второе соображеніе приистекаетъ изъ задачъ, которыя сейчасъ особо поставлены передъ русскимъ экзегетомъ и, вообще, передъ русскимъ богословомъ. Это касается вопроса о происхожденіи и о значеніи ветхозавѣтнаго понятія и образа Премудрости-Хохмы-Софіи⁴⁹). Ветхозавѣтное ученіе о Премудрости Божіей должно, конечно, быть понимаемо въ общемъ контекстѣ всей библейской хохмической письменности. Но въ вопросѣ о возникновеніи и развитіи хохмическаго движенія въ Израилѣ цѣннѣйшую услугу оказываютъ привлеченный изслѣдователями внѣ-библейскій матеріалъ. Въ этой связи хорошо изученными оказались памятники мудрости другихъ народовъ древняго Востока, особенно тѣхъ, съ которыми ветхому Израилю приходилось соприкасаться въ теченіе своей болѣе чѣмъ тысячелѣтней священной исторіи. Но не слѣдуетъ забывать, что существуетъ, наряду съ языческимъ, такой же израильскій внѣбиблейскій матеріалъ. Его слѣдуетъ искать въ іудейскихъ апокрифахъ. Къ такому израильскому хохмическому внѣбиблейскому матеріалу опредѣленно слѣдуетъ отнести нѣкоторыя части «Письма» псевдо-Аристея, въ частности отвѣты переводчиковъ на на вопросы, которые имъ царь задавалъ во время семидневнаго пира (§§ 187-294). Изслѣдователи пока не обратили должнаго вниманія на эти отвѣты и на характеръ хохмическаго ученія, которое въ нихъ содержится. Нѣкоторые даже высказали мнѣніе, что мудрость, которую эти отвѣты возвѣщаютъ, является іудейскою лишь по названію и по причинѣ постоянного упоминанія его имени Божьяго⁵⁰). Однако, не слѣдуетъ забывать, что изначальная хохма въ Израилѣ, какъ по своей формѣ такъ и по содержанію, а также по своимъ интересамъ, стояла чрезвычайно близко къ мудрости другихъ народовъ: какъ вся внѣизраильская мудрость, она первоначально трактовала чисто секулярныя темы и, въ частности, о царской власти, о мудромъ управленіи государствомъ, о мудромъ поведеніи въ присутствіи царя, объ искусствѣ быть образцовымъ чиновникомъ и т. д.⁵¹). Лишь въ довольно позднюю пору Израильской исторіи, т. е. приблизительно съ конца вавилонскаго плѣна, эта секулярная мудрость, согласно природному генію и призванію народа Божія, утратила свой свѣтскій характеръ и переключилась на чисто религіозныя пути. Лишь пройдя черезъ мірскіе интересы, израильская хохма стала размышлять о Божественномъ управленіи человѣческими судьбами, о воздаяніи, о причинахъ, по которымъ Богъ допускаетъ страданія праведниковъ и т. д. Поскольку сейчасъ можно судить, «Письмо псевдо-Аристея» представляетъ ту стадію развитія израильской хохмы, въ которой послѣдняя, не оставляя еще своихъ прежнихъ, чисто мірскихъ темъ, начала постепенно окрашиваться въ новые, опредѣленно религіозныя тона. Въ этой стадіи израильская хохма, продолжая заниматься вопросами о мудрой царской власти, уже намѣ-

тила свою опредѣляющую тему, благодаря которой она сдѣлалась въ послѣдствіи боговдохновенной, а именно, вопросъ о Промыслѣ и объ тайнахъ управленія Богомъ созданнаго Имъ міра. Богословіе «Письма псевдо-Аристея», изслѣдованное съ точки зрѣнія ученія о Премудрости, можетъ, несомнѣнно, пролить свѣтъ на то, какъ въ III вѣкѣ до Р. Х. воспринимала хохму та александрійская іудейская среда, для которой полъ вѣка спустя внукъ Сираховъ перевелъ книгу Премудрости своего славнаго прадѣда и которая, уже почти въ новозавѣтную эпоху, дала Книгу Премудрости Соломона, послѣднюю хохмическую книгу и, вообще, послѣднюю книгу ветхозавѣтнаго канона.

Подробное изслѣдованіе ученія о Хохмѣ у псевдо-Аристея уже выходитъ за предѣлы моей диссертациі. Я надѣюсь этому вопросу посвятить главу моего послѣдующаго труда, который будетъ специально посвященъ темѣ о Премудрости. Настоящее же историко-критическое изслѣдованіе о переводѣ на русскій языкъ «Письма псевдо-Аристея» есть лишь подготовительный матеріалъ, какъ для моей дальнѣйшей работы, такъ, осмѣливаюсь надѣяться, и для работы другихъ православныхъ историковъ и богослововъ, которые пожелаютъ потрудиться надъ разработкой историческихъ, филологическихъ и экзегетическихъ темъ, которыя я затронулъ въ настоящей рѣчи.

Исповѣданіемъ моего горячаго желанія содѣйствовать выполненію задачъ, завѣщанныхъ отечественной богословской наукой новѣйшимъ поколѣніямъ православныхъ изслѣдователей, я и кончаю мое слово. Ожидаю критики и рѣшенія ученой коллегіи на представленную мною къ защитѣ диссертацию.

Протоіерей Алексій Князевъ.

8-го мая 1955 г.

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) См. о попыткахъ замѣнить другимъ именемъ традиціонное названіе Септугинты въ «Dictionnaire de la Bible, V, 2° part., col. 1624-25.

2) Dict. Bible, Supplem. I, col. 1084 et suiv., 1099-1114.

3) Праер. Evang. VIII, 1-5, 8-9, IX, 34; P.G. XXI, с. 588-97, 624-636, 757.

4) P. Wendland: Aristaeae ad Philocratem Epistula cum ceteris de origine versionis LXX interpretum testimoniis. Lipsiae 1900.

5) Henry St John Thackeray: The Letter of Aristeas, edition of the Greek text, in appendice to Swete's Introduction to the Old Testament in Greek, Cambridge 1900.

6) Raffaele Tramontano S.J.: La Lettera di Aristeo a Filocrate, Introduzione, testo, versione e commento, Napoli 1931. Къ этому труду P. A. Strazzuli прибавилъ списокъ разночтеній на основаніи недавно изслѣдованныхъ рукописей, которыя еще не были использованы въ критическихъ изданіяхъ текста «Письма».

7) Editio princeps: S. Schard, Basel 1561.

8) Русскій читатель найдетъ подробный пересказъ «Письма Аристея» у П. Юнгера (Общее историко-критическое введеніе въ священныя ветхозавѣтныя книги. Казань 1902, стр. 355-361. Изъ современныхъ иностранныхъ переводовъ укажу нижеслѣдующіе: 1) P. Wendland: Der Brief des Aristeas, Tübingen 1900 (in Kautzsh. Apocryphen und Pseudepigraphen des A. T., Band II. S. 1-31. 2) H. St John Thackeray: The Letter of Aristeas, London-New-York 1918). 3) H. T. Andrews: The Letter of Aristeas (in R. H. Charles: The

Apocrypha and Pseudepigrapha of the O. T. in English, Vol. II, pp. 83-122, Oxford 1913). 3) R. Tramontano, op. cit. 4) H. G. Meecham: The Oldest Version of the Bible, London 1932. 5) Risler: Altjüdisches Schrifttum ausserhalb der Bibel, Berlin 1928, 193-233. 6) Moses Hadas: Aristeeus to Philocrates, New-York 1951.

9) См. объ этомъ въ словарной статьѣ Septante. Dictionnaire de la Bible, V, 2° part., с. 1624 et suiv.

10) Русский читатель найдетъ объ этомъ нѣкоторыя указанія въ вышеуказанномъ трудѣ проф. Юнгера, а также, въ моей диссертаци.

11) Cohortatio ad Graecos. Migne, P.G., t. VI, с. 265, 268.

12) Бл. Иеронимъ имѣетъ въ виду §§ 301 и сл. «Письма». См. его Praefatio in Pentateuchum, P.L. XXVIII, с. 150-51; Apologia adversus libri Rufini, 24, 25, P.L. XXIII, с. 448-49.

13) Этотъ ошибочный взглядъ имѣетъ до сихъ поръ защитниковъ, несмотря на то, что русская Церковь еще разъ торжественно его опровергла, когда въ 1875-мъ году она издала для народнаго чтенія В. З. Библию, переведенную съ еврейскаго масоретскаго текста.

14) Первымъ усумнился въ подлинности «Письма Аристее» Ludovicus de Vries въ своемъ комментарий на De Civitate Dei XIII, 42. См. краткую исторію критики «Письма Аристее» въ статьѣ Aristée. Dictionnaire de la Bible, I, 1 part., col. 963-64, а также въ предлагаемой диссертаци.

15) Историческую и библиографическую сводку по вопросу о Димитріи Фалерскомъ можно найти въ примѣчаніи къ § 9 «Письма» на стр. 95 II-го тома вышеуказаннаго труда R. H. Charles: The Apocrypha and Pseudepigrapha.

16) См. тамъ же, на стр. 113, въ примѣчаніи къ § 201 историческую и библиографическую справку о Менедемѣ.

17) Antiq. XII, 2; I, 10; Apion. II, 44.

18) К. Οἰκονομος. Περί τῶν Ὁ ἑσθνηυτῶν. Афины 1844.

19) См. A. Lods: Histoire de la littérature hébraïque et juive, Paris 1950, pp. 895 et suiv.; Ricciotti: Histoire d'Israël, II, Paris 1948, pp. 260 et suiv.

20) Такого рода псевдэпиграфами являются также III-я Сивиллова книга и писанія псевдо-Гекатея. См. A. Lods, op. cit., pp. 896-898, 899.

21) Попытки ученыхъ выяснитъ историчность личности этого Аристее до сихъ поръ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ (см. Tramontano, op. cit., стр. 45+).

22) См. M. J. Lagrange: Le Judaïsme avant Jesus Christ, Paris 1931; J. Bonsirven: Le Judaïsme palestinien au temps de Jesus Christ, Paris 1935 и тотъ же трудъ въ сокращенномъ изданіи Paris 1950.

23) J. Bonsirven: La Bible apocryphe en marge de l'Ancien Testament. Paris 1953, pp. 1-2.

24) Нѣкоторые итоги изслѣдованія апокрифовъ можно найти въ статьѣ Pirot: Apocryphes. Dictionnaire de la Bible, Suppl. I, col. 1354-1460, а также въ Dictionnaire des Apocryphes. Полныя собранія апокрифическихъ текстовъ въ переводѣ на современные языки существуютъ пока только въ нѣмецкой и англійской ученой литературѣ (Kautzsch, Charles, Risler).

25) См. библиографію у Tramontano, op. cit., pp. XII-XIV, а также рядъ статей въ Revue Biblique: 1920, pp. 161 et suiv., 1923, pp. 409 et suiv., 1924, pp. 556 et suiv. H. G. Meecham: The Letter of Aristeeus, Manchester 1935, pp. 343, 8 fol.

26) Lumbroso: Recherches sur l'économie politique de l'Égypte au temps des Lagide. Turin 1870, p. XIII.

27) H. St. J. Thackeray.: The Letter of Aristeeus, pp. X-XII.

28) Vincent: Jerusalem d'après la Lettre d'Aristée, Revue Biblique, 1908-1909.

29) Grätz: Die Abfassungszeit des Pseudo-Aristeeusbrief. Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums, 1876. S. 283 Такое же мнѣніе раздѣляютъ Bousset, Wilrich и др.

30) Вендландъ изложилъ свою точку зрѣнія во II-томѣ Каушша, стр. XXVI и XXVII. Для Lods, см. его Histoire de la littérature hébraïque et juive, op. cit.,

- р. 902. Для Schürer'a: *Geschichte des Jüdischen Volkes*, Leipzig 1901-1911, стр. 389.
- 31) Philon: *De Vita Mosis*, II, 5-7.
 - 32) Martin Noth: *Histoire d'Israel*, Paris 1954, pp. 16 et s.
 - 33) Эти и другія подробности псевдо-Аристей могъ узнать изъ писаній Гекатея Абдерскаго, либо непосредственно, либо черезъ псевдо-Гекатея.
 - 34) См. общую библиографію и справки въ книгѣ Bleddyn J. Roberts: *The Old Testament, Text and Versions*, Cardiff 1951, pp. 101-119.
 - 35) Motzo: *Aristea*. *Atti della R. Accademia di Scienze di Torino*. Vol. L, pp. 202-226, 547-570.
 - 36) F. Wutz: *Die Ursprüngliche Septuaginta*. *Theolog. Blätter*, 1923, № 5 и прочіе его труды.
 - 37) Tramontano, op. cit.; Meecham, *The letter of Aristeas*, op. cit., pp. 316-330.
 - 38) H. G. Meecham: *The Letter of Aristeas*, p. 44.
 - 39) H. G. Meecham: *The Letter of Aristeas*, op. cit.; *The Oldest, Version of the Bible*, London 1932.
 - 40) Mamigliano: *Per la data e la caratteristica della Lettera di Aristeo-Aegyptus* 1932, p. 161-172.
 - 41) M. Nadas, *Aristeas to Philocrates*, op. cit.
 - 42) *La Bible Apocryphe en marge de l'Ancien Testament*, op. cit.
 - 43) A. Cahana, *Ha-sepharim Ha-Hizonim*. Tel-Aviv, 1937.
 - 44) Онъ былъ напечатанъ впервые въ приложеніи ко II-ой части сочиненій Юсифа Флавія «О войнѣ іудейской». Выдержки изъ этого перевода были изданы въ 1844-45 годахъ въ «Воскресномъ чтеніи», ч. VIII, стр. 341 и сл.
 - 45) Проф. прот. Елеонскій: *Свидѣтельства о происхожденіи перевода Семидесяти*. Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, 1875 г., ч. I, стр. 3-47.
 - 46) Е. И. Ловягинъ: *Объ отношеніи писателей классическихъ и библейскихъ къ возрѣнію христіанскихъ апологетовъ*, СПб, 1872.
 - 47) И. Корсунскій: *Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта*, Москва 1882. Его же: *Переводъ Семидесяти*, его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности, Троице-Сергіевск. Лавра 1897.
 - 48) П. Юнговъ: *Общее историко-критическое введеніе въ священные ветхо-завѣтныя книги* (цит. соч.).
 - 49) См. прот. А. Князевъ: «Образъ и понятіе Божественной Премудрости въ Ветхомъ Завѣтѣ». *Правосл. мысль*, вып. X, 1955, стр. 92-112.
 - 50) A. Lods, op. cit., стр. 904.
 - 51) С. Н. Duesberg: *Les Scribes inspirés*, t. I, chap. I, Paris 1938.